

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Сквозь щель помятого забрала
Сиял бесстрашный, нежный взгляд.
Погибель мне в лицо дышала,
Но ты не отступил назад.*

*Весь мир в виденьях тяжелых рвался,
Нить между нами скрыла мгла.
Ты вечность за меня сражался,
А я во сне тебя ждала...*

Посвящается моей супруге

ГЛАВА 1

ПОВОРОТ

Юме опять снился необычный сон. После того как не стало родителей, он всё чаще и чаще тревожил её. Сначала раз в полгода, затем раз в два месяца, а сегодня, спустя три года, уже восьмую ночь подряд. Сновидение удивляло своей реалистичностью. Казалось, стоит протянуть руку — и до всего можно дотронуться. Она бы с радостью назвала сон вещим, если бы не два «но». Первое: рыцарей давно не существовало. И второе, пожалуй, самое важное: девочке не хотелось, чтобы ему, так нежно назвавшему её по имени, было больно.

Юма, покачиваясь в такт скрипучим колёсам, лежала на тесной полке фургона странствующего цирка, поджав ноги и обняв младшего брата Рэя. В грустной стране своих грёз она снова видела глубокое светлое небо.

Небо, верхушку ели и чёрную точку пролетающей в вышине птицы. Затем склоняющегося над ней рыцаря в доспехах. Всё можно рассмотреть на его сине-золотом шлеме: тёмные сколы; старые — тусклые — царапины, свежие — блестящие; дрожащие капельки влаги; мазки вязкой грязи; выщербины от ударов и яркий блеск нетронутого металла.

Рыцарь поднимает руку и отбрасывает забрало. Он смотрит на неё чарующим взглядом голубых глаз. Ей кажется, что это ещё два неба, в вышине которых еле различимы всполохи пламени. Юма пытается поднять руки в надежде скинуть шлем. Ей во что бы то ни стало нужно увидеть лицо рыцаря. Но руки не слушаются. Пытается заговорить — и ничего не получается. Затем она замечает, как с дыхательной щели шлема вот-вот сорвётся плотная бурая капля — кровь. Рыцарь ранен. Капля становится больше и больше. Вот-вот она сорвётся вниз — горячая и влажная.

— Юма...

От дыхания рыцаря воздух вокруг накаляется.

Капля срывается, падает ей на лицо.

Девочка просыпается.

Её разбудили громкие крики. Юма с братом ехали в последнем фургоне вместе с цирковым реквизитом. Где-то впереди обоза раздавались ругань, выстрелы, конское ржание, удары о железо. Поспешно растолкав брата и велев ему одеться, Юма накинула платье, сунула ноги в старенькие туфли и, откинув шторку, спрыгнула на землю. Вслед за ней

спустился Рэй. Взяв его за руку, девочка осторожно выглянула из-за фургона. Странствующий цирк растянулся далеко по дороге.

— Засада! Засада! Засада! — Бегущий вдоль повозок человек в панике размахивал руками.

В ярких вспышках выстрелов Юма видела, как выскакивают из фургонов циркачи в ночной одежде: дрессировщики, силач Гуттер, гимнасты, фокусник, конферансье. Как из темноты появляются неясные фигуры, среди которых с криками и стонами растворяются её друзья.

— Засада! — раздалось над головой.

Это кричал клоун Оноре. Он на бегу схватил Юму за руку и дёрнул за собой с такой силой, что девочка на мгновение оторвалась от земли. Юма крепче сжала руку брата, и они втроём помчались со всех ног по пыльной ночной дороге. Когда им уже показалось, что опасность миновала и их никто не преследует, из кустов раздался выстрел. Бандиты оставили позади заслон из нескольких человек — добивать убегающих.

Оноре, милый Оноре, который два года назад не дал разлучить их с братом и забрал обоих из приюта. Как же тогда его ругал директор цирка! Труппе требовалась только девочка, а он притащил ещё и мальчишку. Директор заявил, что за питание брата станет вычитать деньги из жалования клоуна. И тот согласился.

Оноре вздрогнул, упал на колени. На его лице появилось выражение усталости. Он улыбнулся Юме в последний раз, подтолкнул её вперёд, прошептал: «Скорее» — и повалился на землю.

Не чуя под собой ног, Юма с братом кинулись прочь от дороги, через поле, к лесу. Преследователи не отставали. Несколько злобных окриков и неточных выстрелов раздалась им вдогонку. И, когда до леса, где дети могли бы укрыться в каком-нибудь овражке, высокой траве или за упавшим деревом, оставалось не более двадцати шагов, Юма зацепилась за камень правой ногой. Швы на туфле затрещали, и девочка полетела вперёд, лицом в грязную лужу. Падая, она поняла, что увлекла за собой брата, которого так и держала за руку.

«Какая же я растяпа!» — подумала она.

В тот момент, когда Юма плюхнулась в воду, в глаза ей ударил яркий, искрящийся свет, а вокруг, кружась, звонко щёлкая и мягко ударяясь о тело, замельтешили синие пузырьки. Ей казалось, что она стремительно летит в бездонную пропасть.

Задержав дыхание, девочка крепче зажмурилась и попыталась нащупать под собой землю. Лужа казалась совсем не глубокой, но достать до дна не получалось. Она отпустила руку брата, чтобы он не утонул вместе с ней, и задвигала ногами в надежде перевернуться в воде и всплыть на поверхность. Что-то давило на спину и не давало ей этого

сделать. Воздуха почти не осталось. Она оттолкнулась руками и открыла глаза. К своему удивлению, увидела над собой просторное небо с пышными облаками и ярким, слепящим диском солнца. Осторожно вдохнув, всё ещё боясь захлебнуться, Юма почувствовала тёплый ароматный воздух, наполненный запахами скошенного сена и полевых цветов.

— Как не стыдно!

Девочка повернула голову и увидела маленькую старушку в жёлтом чепчике, коричневом платье с белым, расшитым разноцветными розами передником. Ноги её по щиколотку закрывали толстые башмаки на деревянной подошве. Сначала девочке показалось, что старушка стоит далеко. Только непонятно, почему она видна так отчётливо. Юма поднялась на локтях и, наконец, сообразила, что перед ней пожилая женщина ростом с полметра.

— Где я? — удивилась девочка.

— Ты в луже, — ехидно ответила старушка. — Понимаешь ли, милочка, нам не хочется мешать тебе, но иногда по этой дороге ездят, как, например, сейчас мы с мужем.

Она указала на повозку, запряжённую маленькой лошадкой, которой правил полный румяный старичок в жёлтом картузе, рубаше и просторных штанах, заправленных в чёрные поношенные сапоги. Юма заметила многочисленные аккуратные кармашки на его одеянии, застёгнутые железными пуговками.

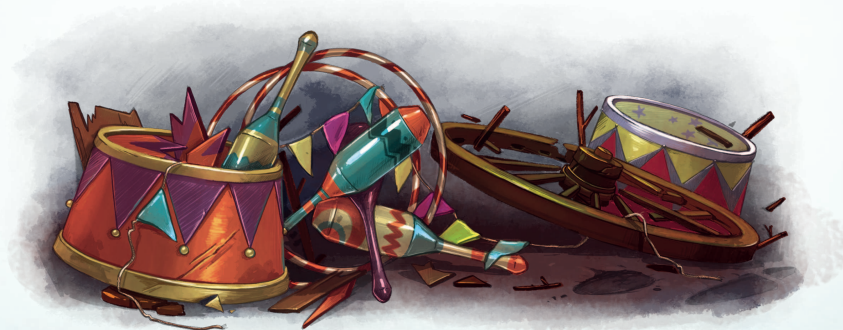
— Рэй! — встревожилась она.

— Я в порядке. — Брат сидел на краю лужи, отряхивался от воды и протирал глаза.

— Так что, пропустишь нас? А затем снова можешь лечь и продолжить барахтаться в грязи. — Ехидная старушка замерла в ожидании.

— Извините... — Хлюпая по жиже, девочка выбралась на обочину. — Понимаете, мы только что находились совсем в другом месте, на поле, упали в лужу, спасаясь от разбойников, и очутились... я даже не знаю где. Как это получилось?.. И... кто вы? Гномы?

— Бедное дитя до сих пор верит в сказки, — умилилась старушка. — Давно всем известно, что гномов не существует, а только, — она подняла обе руки в сторону Юмы, — великаны.

Рэй, приоткрывший один глаз, внимательно осматривался:

— А где мы сейчас находимся?

— Недалеко от селения Северный Дол, хотя на самом деле по величине это город, все так считают. — Старушка поплелась к повозке, ворча под нос: — Ну как не стыдно? Из лужи она пришла. Как их только на границе пропустили?

— А в какой стороне этот город?

— В той, куда мы едем, — бросила свысока старушка, усаживаясь на сиденье.

— Полчаса ходьбы, — добродушно прибавил её муж. — Но! — крикнул он лошади, и повозка тронулась.

— Ты что-нибудь понимаешь? — Брат в нерешительности переминался с ноги на ногу.

— Пока нет. — Скинув с себя верхнюю одежду, Юма предложила: — Надо обсохнуть и пойти в это селение. Может, там подскажут, как вернуться домой.

— А что же с цирком? — сдавленно произнёс Рэй.

Девочка опустила на землю, закрыла глаза руками и тихонько заплакала.

— Его больше нет... Ах, как мне их жалко! Все, кого мы любили, погибли! — Нежный, мелодичный голос Юмы дрожал.

У Рэя сжалось сердце, к глазам подкатили слёзы. Он глубоко вздохнул и постарался успокоить сестру.

— Но мы ещё живы, не плачь! — Брат не переносил, когда Юма расстраивалась. Тогда её жизнерадостный взгляд мрачнел, а на прелестном лице появлялась усталость. Вот и сейчас кончик прямого носа вздрагивал в такт тихим всхлипам. Рэй видел, что она старается сдерживать рыдания и вести себя как взрослая, хотя ей всего пятнадцать лет.

Прошёл час, вещи уже подсохли. Но дети молча сидели, угрюмо глядя на лужу, послужившую им дверью в неизведанный мир.

Наконец они собрались с силами, оделись и осмотрели друг друга. Рэй выглядел ещё ничего. Он не сильно замарался. Разводы на его тёмных штанах и рубашке почти не бросались в глаза. Белое платье Юмы, напротив, сильно испачкалось. Светлые волосы спутались. А правая туфля порвалась и, как говорится, просила каши.

— Да... — вздохнула девочка. — Ничего не поделаешь, идём.

И они зашагали в ту сторону, куда указала старушка.

ГЛАВА 2. ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛУЖ

ГЛАВА 2

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛУЖ

Дорога к Северному Долу проходила мимо полей, засеянных пшеницей, гречихой и подсолнечником. И хотя растения по размеру совсем не отличались от привычных Юме, сами поля были значительно меньше. Объяснялось это, скорее всего, тем, что маленьким человечкам требовалось намного меньше еды, чем обычным людям.

Потом потянулись фруктовые сады, домики фермеров. Каждое жилище с бежевой черепичной крышей умещалось под одной яблоней или вишней. Дубовые двери с ручками-кольцами, белые ставни и круглые камни в основаниях фундаментов придавали домам ухоженный, опрятный вид. Огороженные плетёными заборами сады украшали клумбы с цветами.

Иногда из дворов выбегали собаки размером с котёнка и тонкими голосками звонко лаяли на необычных путников. Из окон, дверей выглядывали местные жители; крошечные дети гурьбой, весело галдя, бежали за ребятами. Они то и дело вытаскивали из своих кармашков с деревянными пуговками свистульки, палочки, леденцы, коробочки, гвоздики, бумажные самолётики, пряники и ещё кучу всякой всячины и так же быстро менялись этим или убирали обратно. Жители не удивлялись появлению людей, но смотрели на них с интересом, изредка кто-нибудь махал им рукой, платком или жёлтым картузом.

Несколько проворных ребятишек забежали вперёд и выкатили на дорогу пять яблок.
— Угощайтесь! — восхищённо пропищали они.

Юма взяла одно яблоко себе, другое дала Рэю, а остальные положила в карман. Фрукты оказались сочными и очень сладкими. Девочка поблагодарила малышей, и они двинулись дальше.

Через несколько минут путь им преградил всадник на рыжем коне. Покрой одежды, как и весь его строгий вид, говорил, что он на службе. Карманы на его одежде располагались так часто, что форма напоминала гусарский ментик со шнурами и серебряными пуговицами.

«Почталён или посыльный», — подумала Юма.

Он коротко кивнул, приветствуя детей.

— Следуйте за мной, вас ждёт староста селения Ундин, — повелительно отчеканил всадник, развернул коня и рысцой поскакал в сторону виднеющегося Дола.

Дети переглянулись и, ничего не говоря, последовали за ним.

Северный Дол действительно больше напоминал город, точнее, это и был город, но, видно, когда селение разрослось, ему забыли поменять статус. За каменной стеной красовались разноцветные крыши зданий. Чтобы попасть в Дол, нужно было пройти через массивные ворота, над которыми громоздилась морда чугунного волка, оскал которого однозначно давал понять, что город находится под надёжной защитой.

Подойдя ближе, дети увидели, что «крышами» на самом деле оказались цветные витражные купола двух- и трёхэтажных домов. Они словно магнитом удерживали на себе взгляд — на персиковых зданиях в лучах яркого солнца тысячами оттенков переливались цветные стёкла витражей: от густо-фиолетовых до прозрачно-сиреневых, от ярко-оранжевых до бледно-жёлтых, от тёмно-рубиновых до светло-розовых. Они поражали сочностью своей палитры в одних местах и скромной лаконичностью в других. Сложные и простые узоры, изображения животных, птиц, растений и бытовых сцен украшали эти сияющие полусферы, словно отдающие со светом незримую будоражащую магию.

От такого великолепия Юма невольно приоткрыла рот. Заметив это, всадник горделиво усмехнулся, выпрямился и задрал подбородок. Ещё чуть-чуть — и пробкой вылетит из седла.

Через несколько улиц троица остановилась у дома, возвышающегося над всеми остальными городскими строениями. Провожатый спешился и жестом пригласил пройти внутрь. Вход в здание был высоким, и дети зашли не пригибаясь. Внутри оказался украшенный фресками круглый зал. Вдоль его стен на скамейках расположились местные жители. Пространство освещали факелы, закреплённые на четырёх витых колоннах, поддерживающих свод.

С улицы в открытые двери потихоньку просачивались прохожие — уличные зеваки.

В центре зала на невысоком помосте стоял стол, освещённый солнечным светом, проникающим сквозь жёлтый топаз в навершии купола. За столом сидело пятеро мужчин. Один из них — почтенного возраста, с седой бородкой и цепкими живыми глазами.

«Это, наверное, Ундин», — подумала Юма.

Он сначала показался ей довольно полным. Но, присмотревшись, девочка поняла: всё дело в карманах с бриллиантовыми пуговицами. Они были так туго набиты, что делали его похожим на шарик.

Склонившись над столом, он что-то торопливо писал в толстую книгу, часто поглядывая в стороны, при этом не останавливая руку с гусиным пером, отчего казалось, что

та действовала самостоятельно. Наконец он отложил перо, старательно размял пальцы морщинистых рук. Вытер со лба пот белым платком и, аккуратно убрав его в карман серого сюртучка, подозвал детей поближе.

— Мы приветствуем вас в Северном Доле! Меня зовут Ундин, я староста селения, это мои помощники. — Он указал на сидящих по обе стороны мужчин.

— Здравствуйте. Меня зовут Юма, а это мой младший брат Рэй, — волнуясь, ответила девочка.

— Скажите, — голос старосты чуть заметно хрипел, — но, прошу, только правду! Как вам удалось пересечь границу и обойти наши посты?

— Мы не пересекали! — встревожилась Юма. И рассказала всё с самого начала.

По мере того как она говорила, в зал набивалось всё больше и больше жителей. Они слушали то замирая, то удивляясь и вздыхая от захватывающего рассказа. И весь зал громко охнул, а кто-то даже вскрикнул, когда Юма рассказала, как они с братом плюхнулись в лужу и очутились здесь.

Только Ундин сидел в задумчивости и, казалось, ничего не слышал. Лишь рука его иногда как будто просыпалась, отмечала в книге самое важное и снова засыпала.

В воздухе повисла тишина, затем кто-то таинственно произнёс: «Повелительница луж». Другой тихий голос добавил: «Пришедшая из грязи!» По залу прошёл лёгкий смех, но Ундин постукал кулаком по столу, призывая к тишине.

— Циркачи — кто это? Бродячие менестрели? — Старичок снова сделал пометку в книге.

— Не совсем. Это артисты, которые развлекают зрителей короткими номерами. Клоуны веселят людей шутками и лёгкими проказами. Жонглёры подбрасывают вверх различные предметы и ловят их. Силачи поднимают тяжести. Есть ещё фокусники, дрессировщики, гимнасты...

Юма в подробностях пыталась рассказать о цирке, его жизни и обитателях, о том, как чуден и интересен мир бродячих артистов. Ей так хотелось, чтобы им с братом поверили и не считали их нарушителями границы, чтобы этот старичок рассмеялся, а жители Дола перестали глядеть на них недоверчиво, перешёптываясь между собой. Девочка достала из кармана три яблока и начала жонглировать ими в надежде, что это развеет все сомнения и подкрепит её рассказ. Но зрители смотрели на развернувшееся представление с ожиданием какого-то чуда. И, когда его не произошло, огорчённо заукали.

— Это всё? И всё? — разочарованно раздавалось вокруг.

— Я что-то пропустил, или она просто подбрасывала их? — проворчал какой-то старичок.

— Вот если бы три моих комода подкидывала, я б удивилась. — Румяная женщина с ребёнком на руках недовольно направилась к выходу.

— Ты работала в цирке жонглёром? — Староста задумчиво глядел на Юму, не обращая внимания на выкрики.

— Я была ассистенткой Маркуса — фокусника. А немного жонглировать меня научил Оноре, — уже без воодушевления ответила Юма и, чуть-чуть помолчав, тихо договорила: — Он был клоуном.

Доброе грустное лицо Оноре снова возникло перед её глазами.

— Какой номер публике показывали вы?

— Я забиралась при зрителях в большой сундук, затем Маркус накрывал его платком, открывал, и все видели, что сундук пуст.

— Магия? — Старик, вскинув голову, буквально буравил Юму взглядом, пытаясь прочитать её мысли, чтобы хоть на мгновение, но раньше узнать ответ на свой вопрос.

— Магия... Волшебство! — одобрительно прокатилось по залу.

— Нет, — вздохнула Юма. — Я просто пряталась в потайном отделении за фальшивой перегородкой.

По залу вновь пробежала волна вздохов. Люди потянулись к выходу, жалуясь, что зря пришли.

— А зрители догадывались о вашем обмане?

— Наверное. — Девочка опустила голову.

Хотя Ундин разговаривал доброжелательно, у неё совсем испортилось настроение. Им не верили, и она понимала это. Юма посмотрела на свои грязные ноги. Из рваной обуви торчали пальцы. Она пошевелила ими и подумала: «Повелительница луж, пришедшая из грязи».

Жители расходились. Староста, сделав несколько записей, пребывал в задумчивости и будто не замечал, как жарко дискутировали вокруг него помощники. Юма обняла уставшего брата и молча стояла, ожидая решения.

Наконец тяжёлая задумчивость Ундина сменилась, к удивлению присутствующих, мягкой доброжелательностью. Он снова достал платочек, обтёр лоб и заговорил:

— Признаюсь, это внезапное появление, странное поведение на дороге и не менее странный рассказ, который, не могу не отметить, очень подробен и описателен, поставили меня в тупик относительно правдивости вашей истории. Однако я кое-что слышал о других мирах и не вправе отрицать их существование, поэтому считаю, что, за неимением доказательств умышленного пересечения границы, нам стоит принять вашу версию произошедшего за истину.

Помощники переглянулись между собой, возмущённые доверчивостью старика, но перечить ему никто не осмелился.

— Итак, — Ундин потёр онемевшие пальцы, — вы хотите вернуться обратно?

— Наверное. — Девочка в нерешительности пожала плечами. — Хотя у нас там почти ничего не осталось. Но мы могли бы вернуться в приют, в нём было не так уж и плохо. А здесь, скорее всего, нам нет места? — Она с надеждой посмотрела на старосту.

— Для хороших людей место везде найдётся, но дело не в этом. Не в лучшее время оказались вы тут. В нашем мире идёт война. Ваш король..

— Здесь есть люди? — перебила его Юма.

— Великаны, — аккуратно поправил Ундин.

— Ах да, мы же для вас великаны. Значит, здесь есть великаны?

— Есть. — Староста пригладил бородку и откинулся на спинку кресла. — Мы живём раздельно. Каждый народ на своих землях. И не очень любим, когда к нам ходят в гости, хоть мы союзники и друзья. Мы даже отправили наших разведчиков в помощь вашему королю — Модмиру Мудрому, который закрепился в Верхней крепости на Перевале синих дроздов и уже два месяца сдерживает полчища так называемого Неизвестного короля. Если он не выстоит и пропустит неприятеля, наши земли окажутся следующими. Я вот почему рассказываю так подробно: хотите этого или нет, здесь вы подданные Модмира, и лишь он в силах помочь вам отправиться домой. Только времени, ребята, не так много. Сейчас проход к перевалу свободен, и можно успеть дойти, но Неизвестный король пытается прорвать оборону в другом месте — у Золотых озёр — и заблокировать Модмира в крепости. Исход войны неясен, и перевес оказывается то на одной, то на другой стороне. — Последнюю фразу старик произнёс тихо, больше размышляя вслух. — Мой вам совет, продиктованный совестью и не одобренный корыстью, ложью и иными пороками: отправляйтесь к Модмиру за помощью.

Ундин откинулся назад и, не сводя пристального взгляда с детей, привычным движением промокнул платком высокий лоб. Помощники так же выжидательно смотрели на них.

— Спасибо, что выслушали нас. — Голос Юмы вздрагивал от волнения. — Я понимаю, что моему рассказу было нелегко поверить. (Помощники деловито заёрзали на стульях.) Мы, конечно, воспользуемся вашим советом и отправимся к Верхней крепости, как бы далеко она ни находилась, но у нас с собой совсем ничего нет: ни еды, ни денег. — Она развела руками.

Ундин понимающе закивал:

— Кое-какую провизию вы получите. На всё путешествие её не хватит — путь к Перевалу синих дроздов займёт дней двадцать, — но мир не без добрых людей, думаю, го-